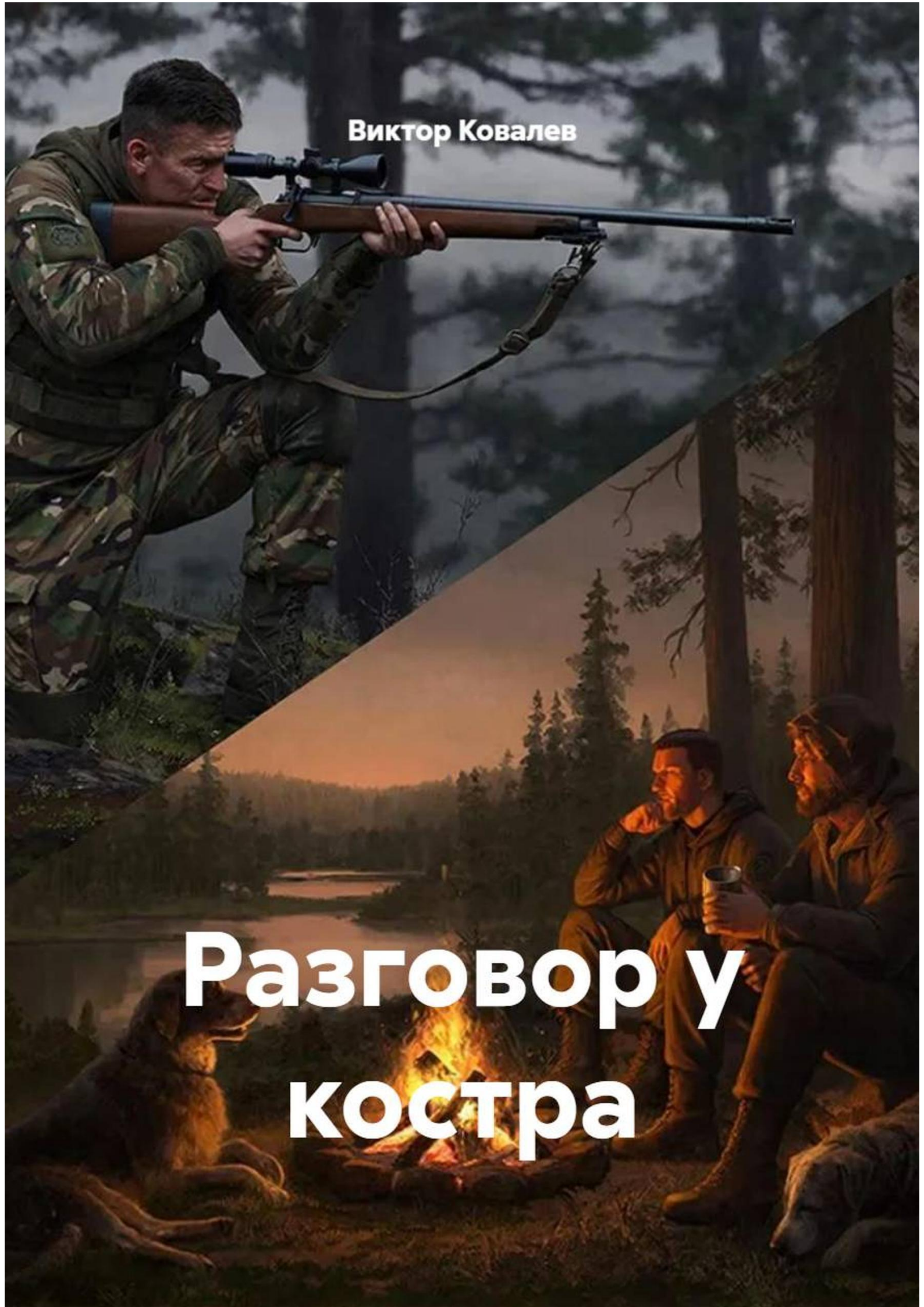

Виктор Ковалев

Разговор у костра

Виктор Ковалев

Разговор у костра

«Автор»

2026

Ковалев В. А.

Разговор у костра / В. А. Ковалев — «Автор», 2026

Майор спецподразделения главного разведывательного управления перед отправкой в командировку узнает, что у него есть двадцатилетний сын, который в данный момент проходит срочную службу на Северном Кавказе и полтора месяца числится пропавшим без вести. Узнав район, где пропал его сын, Сергей осознает, что помочь ему может только Господь.

© Ковалев В. А., 2026

© Автор, 2026

Виктор Ковалев

Разговор у костра

Разговор у костра.

Ковалев В. А.

ГЛАВА 1

Я ехал, точнее, скакал, потому что старую, трехдверную “Ниву”, швыряло из колеи на обочины и, наоборот по всей лесной дороге, разбитой тракторами и лесовозами. Дорога вела к озеру Брус, одному из самых больших, если не самому большому лесному озеру в Брянской области.

Озеро получило своё название в честь урочища Брус, расположенного у истоков небольшой речушки со смешным названием Тетива, протекавшей в сосновом бору. Как гласило предание, во времена оные, императрица всея Руси Екатерина Вторая выбрала этот маршрут для осмотра Новороссии, и путь пролегал через Черниговские и Киевские земли. Непреодолимой преградой стало болото, через которое имперская карета и кареты со свитой проехать не могли, разве что только зимой и в очень сильные морозы. Местные купцы наняли мастеровых людей и те, вооружившись топорами и пилами, уложили версту топи сосновым брусом, соорудив таким образом путь для проезда царицы и ее свиты.

Императрица проехала, оставив после себя легенду о том, что в этих болотах утонула ее карета, вся из чистого золота. Почти в каждой области существовала легенда о точно такой же карете.

Преодолев с немалым трудом очередную лужу, я, наконец, выехал на сухую дорогу, идущую вдоль березняка, как на моем пути встретилось еще одно препятствие. В метрах двадцати от меня стоял Мицубиси Паджеро с поднятым капотом и мужчиной в камуфляже, который склонившись, сосредоточенно вглядывался в моторный отсек.

В нескольких метрах от машины к березе был привязан пес породы эстонская гончая, в народе называемая эстонцем. Пес, удостоив меня взглядом полным безразличия, зевнул и лег, положив голову на передние лапы. Номера на регионе указывали на московскую область, да и камуфляж на мужчине был дороговат для местных бездельников, гонявших зверье по окрестным лесам.

-Еще одного добытчика принесла нелегкая! - пробормотал я сквозь зубы, заглушив двигатель. А вслух произнес:

-Говорят иномарки не ломаются, что случилось?

Водитель снял перчатки, протянул руку, и представился - Сергей.

-Виктор.

-Ехали-ехали и заглох, пытался завести несколько раз – стартер крутит, но движок даже не схватывает.

-Не после того, как лужу проехал, может залило, хотя нет, у тебя здесь защита картера стоит. Залить сложно. У тебя датчиков десяток, может причина в бензине, точнее, в его отсутствии?

Я подошел к машине со стороны бензобака, отвернул крышку заливной горловины, приложил ухо.

-Поверни ключ в зажигании, но не заводи!

Вместо привычного гула бензонасоса, качавшего бензин, в баке стояла удручающая тишина.

-Скорее всего бензонасос, возможно реле бензонасоса, если запасного нет - остается только крепкий трос или эвакуатор.

Сергей достал телефон.

-Бесполезно, приятель, связи здесь нет, а в лесу и подавно.

Я про себя подумал, сейчас начнет упрашивать, уговаривать, деньги предлагать. Сергей отвязал пса и тот привычно запрыгнул в отсек багажника, отделенный от салона решеткой. захлопнул дверь, чиркнула зажигалка.

-Если напрямки через лес пойду, сколько здесь км будет, пять - семь?

А мужик то не из истеричных. Сам хочет справиться.

-Мне вот интересно, что ты собираешься на трассе делать? И сколько времени? Ждать эвакуатор? Так у нас в городе всего один, и, тот сломан, а другой еще не сделали.

Сергей еще раз щелкнул зажигалкой, жадно затянулся.

-Ну ты то на техпомощь не особо похож, какие еще варианты?

-Могу оттащить твой пепелац к своему знакомому, он электрикой и диагностикой занимается, если с электроникой беда - проблем нет, если с двигателем это уже другой вопрос. И цена этого вопроса будет грустной. Веревка есть?

-Есть.

Открыв багажник, порывшись в вещах, Сергей достал буксировочный фал из парашютных строп - для наших мест большая редкость. Глядя на своего нового знакомого, я сделал вывод, что для мужика лет пятидесяти он в очень хорошей физической форме. Тут у меня молнией пронеслась догадка.

-В войсках дяди Васи служил? (Так называли воздушно-десантные войска) На память о службе прихватил?

-Нет, прыжки были, но к десанту отношение постольку- поскольку.

Я зацепил Паджеро и поволок до ближайшей полянки, где перецепил его и потащил по хорошо известной мне лесной дороге, про себя отметив, что Сергей очень уверенно управляет буксируемым автомобилем, ни рывков, ни дерганий.

В городе, на диагностике мой знакомый Андрей, измерив манометром давление бензина в магистрали, огласил вердикт.

-Сдох бензонасос, качает еле-еле, душа в теле. Реле и датчики рабочие.

-Как быть?

Андрей, чуть картавя, быстро заговорил:

- Как быть, как быть, сегодня закажу, но, хлопцы, предупреждаю сразу: заказ будет идти дня два или три. Не раньше. Машину оставляйте, сделаю - позвоню или сами позванивайте.

И вновь мой знакомый повел себя правильно, не засуетился, не заныл.

-Гостиница в городе есть?

Гостиницы в нашем городишке были, но вряд ли его пустили бы вместе с питомцем.

-А куда ты вообще ехал? - спросил я.

- На озеро конечно, спиннинг побросать, в палатке пару дней полежать, воздухом подышать, комаров покормить, отдохнуть в общем.

-Тогда грузи свои бебехи вместе с собакой ко мне в машину и отвезу тебя, туда куда ты собирался. Только сам с собакой на заднее сиденье садись, чтобы он мне всю обшивку не подрал. Я тебя отвезу, машину сделают - приеду заберу. Проблема с машиной решена, но не пустят тебя с собакой в гостиницу. Устанешь дежурной объяснять, что он привит и вообще, твой пес ласковее кошки.

Я думал про себя: ну, начни рассыпаться в благодарностях, начни совать деньги, а через день ты забудешь, как меня звали. Ничего этого не произошло. Когда грузили резиновую лодку и рыболовные снасти, мое внимание привлек оружейный кофр.

-Ты же вроде на рыбалку собрался?

- Да, на рыбалку, но открыта охота на водоплавающую дичь, может удастся утку добыть собаке на потеху, на углях в тесте запечем, да под водочку! Попробуешь-понравится.

Когда проезжали мимо заправки, Сергей предложил заехать.

-У меня почти полный бак и канистра в багажнике, если заметил, буду забирать, плеснешь литров двадцать, не разоришься?

Сергей улыбнулся.

- Думаю, что нет, когда тебя в лесу увидел, думал, разговор по-другому пойдет.

-С чего это?

-Да вид у тебя такой, не очень дружелюбный, а оказывается душа. Офицер?

-Что у меня на лбу написано? Бывший.

-Бывших не бывает, офицер - это навсегда. Я майор запаса.

Здесь у меня все сложилось: спокойствие, выдержка, фал из парашютных строп, но не десантник.

- А что за войска?

-Приедем, расскажу. Не торопишься?

-Особо никто не ждет, не тороплюсь, времени много.

Объехав озеро вокруг через плотину, я выбрал место, которое давно облюбовали любители трофейной рыбалки. Выйдя из машины и выпустив собаку, Сергей заметно оживился. Привязав пса, за обломанный ствол ели, он стал выгружать из машины надувную лодку и кучу рюкзаков камуфляжного цвета и разных размеров.

Вскоре была установлена палатка и резиновая лодка, после накачки ножным насосом была подтянута к берегу. Сергей готовил снасти.

- С меня рыба, с тебя приготовить и развести костер.

-Вода есть для ухи и чая?

Сергей с недоумением посмотрел на меня.

- Посмотри сколько, целое озеро.

Воду из озера для приготовления пищи брать я отказался наотрез. Возле плотины по другую сторону внизу протекал ручей, впадавший в криницу с кристально чистой водой. Взяв несколько пятилитровых пластиковых канистр и погрузив их в "Ниву", отметил про себя как изменился Сергей. Из молчаливого, казалось бы, замкнутого и уже немолодого мужчины, он преобразился в веселого, подвижного парня, словно близость леса, озера, придали ему какое-то вдохновение. Когда я приехал, Сергей на лодке подгрребал к середине озера. Босс, сидя на привязи, тихонько поскуливал, очевидно недовольный своей собачьей участью сидеть на поводке.

Еще к одной елке, с осыпавшимися с прошлой осени желтыми иголками, блестящей цепочкой был привязан металлический сейф, наподобие оружейного. Еще один любитель пострелять с растущим негодованием подумал я.

Через пару часов на огне стоял казан с парившей водой, в которой моими стараниями были опущены несколько картофелин, пару луковиц и морковь. Чуть позже, когда вода уже начинала закипать, Сергей высыпал стакан пшена.

-Именно пшено. Только пшено и ничего, кроме пшена. Если ты заметишь, что уху пытаются приготовить с перловой или гречневой кашей, или еще чем-либо подобным, это не уха. Это суп рыбный, или суп с рыбой. Все что угодно, только не уха!

Уловом оказались три небольших щуки и десяток окуньков. Рыбу Сергей почистил сам, сполоснул в тазу, потроха и жабры вылил с водой в озеро.

-Другим хищникам на ужин. Круговорот в природе. Эта рыбешка ела другую, теперь сама стала пищей.

Я не считал себя специалистом по приготовлению ухи, но и сказать, что совсем был несведущ, тоже было бы неправдой. Рыба была разделена на три порции, и каждая порция варилась отдельно. Сваренная рыба доставалась из казана и укладывалась в кастрюлю с крышкой, стоявшую неподалеку от костра. Сергей колдовал над ухой, постоянно снимая пробу деревянной ложкой, перчил, подсаливал, пробовал снова, добавлял какие-то специи и травы. Вытащив последнюю порцию рыбы, он плеснул из фляжки водки и на несколько секунд зачем-то опустил в казан еще дымящуюся головню.

-Ну, это уж слишком- запротестовал я, - головня каким боком к ухе?

-Отставить сомнения и переживания, от угля еще никому плохо не было. Снимай казан с огня, нужно чтобы уха настоялась немного, а я пока чайник повешу, воду ты привез правда замечательную, будем пить чай с травами. И еще кое- что. Покрепче. Тебе ведь не нужно в город возвращаться? Не торопиться?

В словах Сергея я услышал какую-то надежду, перемежавшуюся с тоской, за которой отдаленно маячила тень одиночества. Каким-то внутренним чутьем я понял, что этому сильному, мужественному человеку очень хотелось, чтобы кто-то ему составил компанию. Уха была разлита по мискам. Осенний день уверенно клонился к закату, гладь озера, чуть подернутая зябью, становилась темнее. Рядом с моей миской оказалась стопка, и Сергей поднес открытую флягу.

-Извини, дружище, я пас.

Рука с флягой замерла в воздухе.

-Все- таки ехать нужно?

- Нет. Особо никто не ждет. Мать умерла. Отец по хозяйству сам справляется, жена знает, что могу и не приехать, дети взрослые и не нуждаются в родительской опеке, по крайней мере в моей, спешить мне некуда.

-Так в чем дело? В завязке?

- С чего ты взял, не кодированный я, просто понимаешь, - я подбирал слова, чтобы точнее выразить свою мысль.

-Я заметил в себе такую особенность, что, когда выпью, рядом появляются люди, которые мне в свое время причинили зло, вспоминаются какие-то обиды, упреки. Слово за слово и понеслось. Говорят, что это пьянка такая дурная. Я после к спиртному могу месяцами не прикасаться, не знаю, что такое похмелье. Оно меня не мучает, в отличие от совести.

Сергей усмехнулся.

-Интересно, вот в чем дело оказывается! Знакомая ситуация. Ну, так кроме меня и моего песика здесь никого больше нет, а уж мы тебе не враги точно.

И вновь в его голосе я уловил интонацию грусти, какой-то пронзительной боли. Я понял, что один Сергей пить не станет.

-А черт с ним! Где наша не пропадала! Наливай!

Я опрокинул стопку, закусил запахом ржаного хлеба, вдохнул запах озера, леса, костра, ухи, и вдруг ощутил, что бремя каких-то проблем нескольких недель, а то и месяцев, мешавших мне спокойно жить, стало потихоньку скатываться с моей души. Действительно, спешить мне было некуда, да и не за чем. Когда я был на природе с друзьями уже не помнил. Да и друзья, втайне сговорившись, почти в одно время приобрели билеты на поезд, уходящий в вечность.

Уха была бесподобна. Отбросив приличия, я пил прямо из миски, обжигая язык. Какие специи там были определить не представлялось возможным. Бульон был жирный, наваристый, с запахом дымка. Я понял, зачем в казане нужна была головня.

Даже картошка и крупа приобрели какой-то неповторимый вкусовой оттенок. Стопки наполнились еще раз.

-Давай, Витя, за знакомство, за то, что мне Бог послал тебя. За то, что удалось поймать рыбу, сварить неплохую уху. За то, что живы, в конце концов. Будет еще чай на травах с вареньем, медом или сахаром вприкуску, на любителя. Пока ты за водой ездил, я донки поставил. Утром будет жареная рыба. На костре, а не на газовой плите. Это брат, разница огромная. Еще печеный картофель с салом в золе.

Третий тост Сергей предложил выпить не чокаясь.

-За тех, Витя, кого с нами нет.

-Я за год потерял двадцать шесть человек.

-На войне? – с удивлением в голосе спросил Сергей.

-Половина на войне с водкой. Одного, известного юриста, зарезали в пьяной драке, другого, тренера каратэ, расстрелял в зале психопат, остальных забрали инфаркты, инсульты, рак. Но если бы ты знал, Сергей, как мне их не хватает, их шуток, юмора, поддержки, просто слова “Привет!”

Сергей достал пачку сигарет, протянул мне.

-Закурим?

-Не курю, отец ругает. Шутка! – усмехнулся я.

- Да ты прям положительный весь: не куришь, практически не пьешь, помогаешь людям.

-Ну, это одна сторона медали или луны, светлая, есть еще и темная. Ты охотник? Я покопался на сейф у ели.

-Да, есть такое. Ты не любишь охотников? - Сергей

- Да, я не люблю охотников!

Сергей рассмеялся.

- Ты так это сказал, как профессор Преображенский выражался о пролетариате. А можно узнать почему вдруг они впали у тебя в такую немилость?

Я задумался.

- Вспомни, откуда произошло само понятие охота? Наши предки вынуждены были убивать зверя, чтобы выжить. Хотя вы, охотники, не любите это слово и заменяете его на добывать. Как я понимаю, пытаюсь обелить свое увлечение. В Сибири, на Дальнем Востоке и сейчас промысел - это образ жизни. А здесь зачем? Когда полки магазинов завалены мясом любых пород и сортов. Похвастаться друг перед другом оружием, оптикой, машинами или просто завести полезные знакомства среди этой братии? Ведь кто охотники в большинстве своем? Судьи, прокуроры, сотрудники силовых структур или крутые коммерсанты.

-Ах вот даже как. Но среди писателей тоже было немало охотников: Толстой, Пришвин, Тургенев.

-Я просто высказал свое мнение. Что у тебя за оружие?

- Итальянка, шестнадцатый калибр.

- Достаточно редкая марка, ну калибр, как понимаешь, не на лося или кабана. Утка, гусь, заяц, мелкая и средняя дичь. Ты довольно неплохо для любителя разбираешься в оружии, может и у самого охотничий ствол имеется?

-Легального нет. Разрешения не дают.

-Что так?

-Требуют обмен. Сдаешь нелегальное, желательно пистолет или автомат, и сразу получаешь разрешение на покупку любого гладкоствольного, а через пять лет - нарезное. Слушай, - меня осенило, - не тот -ли ты бывший спецназовец, который из итальянского ружья на спор со ста метров две пули положил в пачку из под сигарет?

-Положим не со ста метров, а со ста шагов... был такой случай. Хочешь оружие посмотреть?

Я взял в руки ружье, легкое, приемистое, для утиной охоты самое то что нужно.

-На спор стрелял?

-Да, спорили об оружии, отечественном и импортном. Охотники, как ты верно сказал, коммерсанты, показывали мне свои нарезные карабины, пытаюсь доказать, что вот это оружие. Я им пояснил разницу между боевым, из которого и переделывают эти Вепри и Тигры, и охотничье-промысловым. Переделка осуществляется следующим образом: ослабят прочность ствола путем нагрева и охлаждения, а затем еще «бедный» ствол металлической щеткой прошерстят. Цель этой переделки - уменьшить точность оружия, дальность, срок службы. А гладкоствольные делают на оборудовании шестидесятых-семидесятых годов, которое, даже при работе токарей высокой квалификации уже не может дать необходимой точности. К сожалению, Россия утратила статус передовой державы-производителя охотничьего оружия. Пришлось подтвердить свою правоту делом, без оптики, навскидку.

-Так ты действительно спецназовец? – спросил я Сергея.

Он ответил вопросом на вопрос.

- Тебе часто встречались офицеры, служившие в главном разведывательном управлении?

-Сплошь и рядом, особенно после первой бутылки.

- А потом?

- А потом оказывалось, что это обычный пьяный трёп.

- Ну и спецназ так же, наверное, только у летчиков спецназа нет.

Мы пили замечательный, душистый чай на травах, на небе появились первые звезды, с озеро потянуло осенней прохладой.

-Ты уверенно с оружием обращаешься, хоть и не охотник, в каких войсках проходил службу? – поинтересовался Сергей.

- В ПВО. Система предупреждения ракетного нападения. А с оружием научился после армии обращаться. В училище два раза в год из автомата стреляли, по три патрона. Ну а перед выпуском дали из Макарова и Марголина стрельнуть. В Казахстане ездил с автоматом на сайгаков охотиться, и степную косулю. Союз развалился, обеспечение стало никаким, мясо-тушенка из сухих пайков. Вот и пришлось встать на тропу браконьеров. Часть -солдатам в столовую, часть домой. После армии стрелковой подготовкой уже пришлось основательно заняться. Криминал. Был даже чеченский УЗИ - уникальный пистолет - пулемет. Чтобы с десяти шагов попасть в мусорный контейнер, нужно было ой как постараться, его при первом выстреле вверх подбрасывало, как будто снизу кто - то толкал.

-А как ты там оказался, я имею ввиду в криминале?

- Веришь, сам до сих пор не пойму. Стрелял много и часто, но Слава Богу, никого не убил, только ранил, в ногу, рикошетом, за что и получил четыре года. Отбыл два с небольшим, но за эти два года понял больше, чем за всю предыдущую жизнь. Так с моим прошлым все ясно и понятно, а что с твоим?

Сергей поднялся, подошел к рюкзаку и достал бутылку с водкой и повернулся ко мне.

- Фляга как - то быстро закончилась. Если честно, ни в одном глазу. Лес, воздух такой, что можно резать кусками и есть. Озеро в лесу, да такое большое. Наверное, километров пять будет, не меньше?

- Пять с половиной в длину, в ширину в среднем пятьсот метров. В 1978 году директор местного совхоза Мятлик перекрыл реку плотиной, и получился вот этот замечательный водоем. Малька запустили. Толстолобик, карп, щука, густер, окунь были в реке. Мятлик добрую память о себе оставил. А озеро так и называется брус. Здесь еще голубой колодец есть. Глубину до сих пор измерит, не могут, он в сторону уходит, водолазы не рискнули до дна исследовать. Кроме легенды о золотой карете, есть еще одна о местном разбойнике Соловье, который все награбленное золото и серебро туда сбросил, когда в бега подался. Чтобы никому не досталось. Злодействовал он в этих местах, при чем настолько успешно, что перекрыл Киевский тракт, по которому шла вся торговля с Малороссией. Слух о таком разбое до царицы дошел, был указ прекратить беззакония. Соловья, с его шайкой выловили казаки в Злынке. Часть разбойников погинуло в бою, а Соловья и четверых его подручных повесили в Стародубе на базарной площади, на крюк за ребро. Но так никто и не сказал, где сокровища схоронили.

Тут все места исторические. Будем назад возвращаться, покажу место, где шведский лазарет находился. За лесом староверы село основали, там в каждой хате разговаривают как дикторы центрального телевидения. У местных же разговор другой – суржик: смесь русских, украинских и белорусских слов. По слухам из поколения в поколение передают книгу Житие протопопа Аввакума. Икон много старообрядческих. Несколько старушек за эти иконы смерть приняли от бандитов. Правда, поймали всех, а вот иконы не все нашли. Был бы жив друг мой Сан Саныч, он до утра рассказывал историю родного края. Да, учитель истории, затем секретарь парткома совхоза, после стал лесником. Сейчас тут водка с самогонкой на чаге текла бы рекой, песни задушевные и в разгар веселья девки бы появились.

Сергей засмеялся.

- А девки откуда?

- Я не знаю. До сих пор понять не могу, откуда они брались. Появлялись словно черти из табакерки или русалки из озера. Хороводы, венки, купания. Симак, местный лесничий, начальник Саныча, утверждал, что тут без нечистого не обходится. На озере устраивались оргии при свете луны и костров. Вот только он не знал, куда заявлять. То ли в епархию, то ли писать самому патриарху. Пробовал заявить в милицию. Так участкового нашли через три дня в Климовском районе, пьяного вусмерть.

Зимой на озере при кострах рыцарские турниры проводились. Оглобля, на конце привязывалась боксерская перчатка, на голову мотоциклетный шлем, взмах буюгалтера и понеслось. За поцелуй королевы. Симак был очень удивлен, когда королевами два раза его дочерей выбирали.

Победу в бане по черному отмечали. Были времена...

- Послушай, как интересно ты рассказываешь, а то не пью, не курю, отец ругает. Как здорово что ты согласился здесь остаться, я забыл, когда так отдыхал. Ты женат, семья, дети? – поинтересовался Сергей.

Чтобы ответить на этот вопрос мне необходимо было выдержать паузу. Проще сказать я не мог сразу ответить на этот вопрос. Дети, двое сыновей, выросли, разъехались, живут со

своими семьями, и признаком спокойствия являлось отсутствие звонков от невесток. Потому что они звонили только в случае возникновения каких-либо семейных проблем. Что мне было ответить моему собеседнику?

- Не все так просто. По крайней мере, домой не тороплюсь, как видишь. Иногда, а если честно, то практически всегда, подъехав к дому я по несколько часов сижу в машине, слушаю музыку и думаю, куда бы еще поехать. только бы не домой. Дома разбегаемся по комнатам, жена засыпает у телевизора с Плюшкой под боком. Я, после нескольких набегов на кухню, падаю на свой любимый диван, уже изрядно продавленный. Читаю или пишу.

Сергей с удивлением посмотрел на меня.

- Интересно, действительно непросто. Так ты писатель?

- Есть несколько публикаций, пару книг.

- А Плюшка, это кто?

- Кошка. Британская, вислоухая, шерсть у нее необычно мягкая, как плюш. Еще ни разу не слышал, чтобы она мяукала. И из квартиры ее тоже ни разу не выпускали, настоящая домашняя кошка.

Сергей взял паузу, взгляд на минуту стал далеким. А потом очнулся и проговорил:

- У меня все иначе. Есть женщина Вика, вместе живем, есть еще пес Босс, родители умерли. Друзей нет, детей, к сожалению, тоже.

- Вика твоя жена?

- Нет, жена – это человек, к которому привыкаешь, а я не могу привыкнуть. Это наверное больше, чем мы обычно понимаем под словом жена. Это то, без чего ты не можешь жить, дышать, если хочешь.

- А семья, не получилось?

- Даже попыток не было. Служба у меня была специфическая, но высокооплачиваемая. Вот за последствия этой службы и расплачиваюсь. Давай, лучше расскажи дальше про озеро.

Я продолжил.

- В девяностых годах совхоз, который построил плотину и озеро зарыбил, развалился, как и тысячи его собратьев по всей стране. Озеро стало переходить из рук в руки. На том берегу баню построили, пытались зарыблять, организовывать базы отдыха, платную рыбалку. Менялись собственники, ставились километры сетей, озеро спускали несколько раз, все реликтовые карпы были уничтожены. Рыбу глушили взрывчаткой, у плотины плавали тонны протухших карасей. Одни конкуренты пытались в озеро вылить цистерну аммиака, стоявшую за лесом на поле.

- Зачем? – спросил Сергей.

- Чтобы рыба вся подохла. Немного не успели. Но самое страшное было впереди. Электрические удочки. Выбивали все. Энтузиасты типа меня и моих друзей пытались бороться, ловили, резали лодки, забирали аккумуляторы, били. От души били. Помогало. Но ненадолго. Вот и превратилось некогда красивейшее озеро в лужу без рыбы. С горами мусора по берегам. После майских праздников целый КАМАЗ вывезли, хорошо лесники помогли собрать. Через год столько же будет, если не больше. Я даже удивился, что тебе удалось что - то поймать, обычно уезжают несолоно хлебавши. Если на утку пойдешь, они в камышах начинают садиться. Как я понимаю, на взлете и на воде ты ее бить не станешь.

- Нет конечно. Нам с тобой нужно всего пару, одну запечем в тесте на углях, одну Боссу за работу. Давай еще по рюмке.

Выпив, мы оба некоторое время молчали, наблюдая как вечер одеялом покрывает озеро и лес.

- Ты о службе своей хотел рассказать.

Сергей бросил окурок в костер.

-Давай картошку запечем, сделаем десерт на ночь.

Он пополам разрезал картофелину в кожуре, положил кусочек сала, все обернул фольгой и, сделав таким образом десяток, положил в тлевшие угли костра.

-Пусть запекается, пока я буду рассказывать. Служил я снайпером. Офицер спецподразделения главного разведывательного управления генерального штаба вооруженных сил СССР, а затем и России.

-Однако? Все конфликты твои?

-Почти все, кроме Приднестровья, ну и Фергану не буду считать за боевые. Когда узбеки туркам-месхетинцам резню устроили, работать не пришлось.

-В смысле – стрелять?

-У нас не говорят стрелять, мы говорим – работать.

.

-Давай еще по рюмке, я только сейчас понял, что мы твою пьем. Крепкая.

Я его перебил.

- Водка не совсем моя, жена делает на ореховых перегородках. А эта, что сейчас пьем, сделана на травах и цветах. Друзья, когда были живы и приезжали, выпивали литрами, ничего другого не признавали – Наташкин виски подавай!

-Раз друзья приезжали, значит гостеприимная у тебя хозяйка.

-Да, никого не выгнала.

И произнеся эти слова, я вдруг почувствовал необъяснимую теплоту к моей жене, ту теплоту, которую я не испытывал так давно, что сейчас она для меня показалась каким-то открытием. А может просто давно не пил, и это - всего лишь действие водки? И вновь подступила совесть, с сочувствием и сожалением заглянув в мою душу. Ведь все скандалы в моей семейной жизни происходили только из - за моих любовных интрижек и романов, в зависимости от продолжения. Иногда романы заканчивались внебрачными детьми. Я врал, выкручивался как мог, врал жене, врал любовницам. Больше всего от этого страдала моя мама, до сведения которой «доброжелатели» доносили мое очередное приключение. Естественно, из самых лучших побуждений.

Со мной таких приступов совести давно не было. Я взял бутылку и машинально налил себе стопку до краев.

-Извини, Сергей.

- Ничего. Бывает. Пришла товарищ совесть. От меня она не отходит, налей и мне тоже. Напиток бесподобный. Я готов рассказать. Никому не рассказывал, хотя психолог наш говорил, что такое тяжело носить в себе. Священнику исповедовался. Готов выслушать?

-Тебе решать.

-Тогда слушай.

И Сергей начал свой рассказ.

ГЛАВА 2

Я наблюдал за аулом, расположенном в горном массиве Северного Кавказа. Позицию для меня выбрала и подготовила наша разведгруппа, досконально изучившая все подходы к аулу и установившая минные заграждения. Когда все было подготовлено и доложено наверх, настало время работать группе офицеров снайперов ГРУ.

Задача была обычной: ликвидировать одиозного боевика-террориста, недавно совершившего дерзкий набег на одно из российских селений. Впрочем, не боевика. Моей группе было поручено ликвидировать (слово убить в боевых донесениях было не принято) старика, отца

этого самого террориста, своими вылазками донимавшего российские селения и нервировавшего наше руководство.

У мусульман было свое правило проведения похорон. Если человек умирал в первой половине дня, он должен был предан земле до наступления вечера. Если смерть приходила за ним вечером, человека хоронили на следующий день. Как правило, все родственники, близкие и дальние, обязаны были собраться в доме умершего или погибшего и воздать почести подобающие в этом случае.

Предполагалось, что и сын, узнав о трагической смерти отца, обязан прибыть в родительский дом, где его будет ждать с нетерпением наша боевая группа или снайперская двойка.

Я наблюдал через бинокль за домом своей будущей жертвы. Бинокль - это окно в другой мир, позволяющий заглянуть в сокровенные места, порой невидимые ввиду своей малозаметности или маловажности. На что в привычной обстановке просто не обращаешь внимания. Винтовка в кофре лежала рядом. Я был в маскировочном комбинезоне “Снег”, стояла зима. Подо мной было термоодеяло, чтобы не пропустить холод, сверху меня укрывала термическая накидка, на случай если у горцев имелся тепловизор, позволявшая скрыть тепловые излучения человеческого тела.

Помимо термобелья на мне были одеты женские безразмерные капроновые колготки, а в зимних берцах поверх стелек с подогревом лежали женские гигиенические прокладки. Кто придумал эти дополнения к снаряжению, точно было неизвестно. Одни говорили, что рыбаки - любители зимней рыбалки, зарабатывавшие простатит возле лунки в надежде поймать несколько рыбешек, другие утверждали, что все эти изобретения принадлежали охотникам, отслеживающим зверя на сорокаградусном морозе в тайге. Но кто бы не придумал – вещи были исключительно полезные.

Старшина, собиравший нас в командировку и постоянно чем-то недовольный, бубнивший себе под нос, пытался всучить нам несколько памперсов, из лучших побуждений. Но памперсы были отвергнуты с негодованием и пожеланием старшине самому их носить до самой выслуги. Находиться в лежке мне нужно было практически весь световой день до того момента, пока пуля, пройдя через ствол, оставляя после себя едкий запах сгоревшего пороха, отправиться на встречу с целью. Мы не называли бандитов, террористов, боевиков людьми - просто цели. Цели, подлежащими ликвидации.

За моей спиной находились наблюдатели, группа прикрытия и, возможно, еще снайперские двойки. Где-то на аэродроме в вертушках дремали экипажи, готовые в любой момент подняться в воздух. Ракетчики ожидали команды на пуск ракет или реактивных снарядов, в случае если что-то пойдет не по плану. За нас волновались и переживали люди в погонах с большими звездами.

Я обучен, подготовлен, экипирован, собран, полностью устремлен на выполнение боевой задачи. Любой ценой. Даже ценой собственной жизни. Жизнь. Жизнь. При всем вышесказанном, жизнь моя стоила не дороже стрелянной гильзы.

Село пробуждалось, над крышами потянулись вверх тонкие струйки сизого дыма, ветер издали донес запах горевших поленьев и кизяка. Подали голос собаки, где-то на окраине встрепнулся и заголосил первый петух, своим толи воплем, толи криком, давая знать, что наступило утро. Словно по команде начали блять овцы и бараны. Во дворах показались женские фигурки. В черной до пят одежде и такого же цвета платках, повязанных на свой особый манер, вокруг голов.

В центре аула был источник. Из нескольких домов вышли женщины с ведрами и кувшинами, и направились набрать воды. Но прежде чем уйти, они успевали поговорить минут десять – пятнадцать. Отдаленно был слышен смех молодых девушек и разговор женщин постарше.

Очевидно, источник был единственным местом для общения. Возможно где-то еще находился небольшой магазин. Мужчины появлялись позже, в папахах, останавливались, здоровались или обнимались, закуривали. После по двое или даже по трое направлялись к какому-нибудь дому, очевидно, хозяин приглашал гостей пить чай.

Это, если не позволяла погода. В летнее время чаепитие в садах и дворах могло затянуться за полночь. Появлялась стайка ребятни разного возраста. Старшие стояли отдельно, младшие на почтительном расстоянии. У всех в руках были веревки, длиной полтора-два метра. Я долго не мог понять зачем веревки нужны детям? Пока однажды не увидел, как один трехлетний, может чуть постарше, малыш не набросил петлю на голову сорвавшемуся с привязи бычку. Ребенок, упиравшись изо всех своих детских силенок, притащил бычка домой. Спустя некоторое время пришел хозяин бычка, похвалил малыша за смекалку, заплатил какой-то выкуп ушел, забрав бычка, а в доме начались приготовления к празднику. На улице (было лето) во дворе расставлялись столы, резался барашек. Собирались гости, звучала музыка с обязательной лезгинкой и беспорядочной стрельбой в воздух из автоматов.

Сам виновник торжества сидел со взрослыми за одним столом, на зависть соседским мальчишкам, оседлавшим забо и втайне завидовавшим, что этому сопливному, а не им, так здорово удалось отличиться. Больше всех поступком сына гордился отец. Потому, что сын в детском возрасте понял смысл жизни, как нужно зарабатывать деньги. Поэтому другому учиться не зачем. И не у кого. Мужская часть селения зарабатывала на войне, другой работы ни в аулах, ни в городах не было. Вся экономика горной республики была построена на войне. Если войны не было, воевали между собой или грабили соседние села.

Время от времени в наушниках раздавался щелчок: «Все ли у тебя благополучно?». Слово “нормально” в лексиконе группы было категорически запрещено. Многократно было проверено – не успел сказать нормально, как тут же выходило все с точностью наоборот. Мнительность? Суеверие? У здоровых мужиков, имевших за спиной не один десяток разведывательных выходов. Но как есть, так есть. Я должен был щелкнуть по микрофону два раза, а спустя несколько секунд еще раз. Все благополучно. Ждем.

У горцев была одна особенность, которую трудно принять или понять жителям европейской части России. Мужчин, мужей и сыновей их жены и матери не провожали дальше калитки. Расставания были прохладными, без объятий и поцелуев. Точно такими же были и встречи. Горец, переступив калитку, бросал на землю сумку или рюкзак и, оставив в руках автомат, шел в дом. Вещи приходила забирать жена или дети. Восторг выражался только стрельбой в воздух или лезгинкой. Только лезгинка и ничего кроме лезгинки. Были еще песни, но заунывные, после которых думалось, уж пусть лучше будет лезгинка.

Изучая незнакомый мне мир через окно оптики, я ловил себя на мысли, что никогда не видел мужа и жену идущих рядом. Каждый шел сам по себе. Мужчина чуть впереди. Я не видел, чтобы парень стоял и разговаривал с девушкой, не говоря уже о том, что он мог ей подарить цветы. В лучшем случае, при встрече, обронят пару слов на ходу, не останавливаясь и не оборачиваясь. За столами, будь-то праздник или поминальная тризна, сидели только мужчины, женщины появлялись только чтобы убрать посуду или принести чай. Спиртного мне тоже увидеть не довелось.

Но при всем этом, народ, не имевший до прихода советской власти своей письменности, сумел создать, сохранить и передать из поколения в поколение в устной форме закон воина. За много столетий, до того как японцы написали свой кодекс чести Бусидо. Но одно

дело знать, другое дело исполнять. Исполнителей в моем окне познания мира, я не увидел. Я не знал когда и как отцы воспитывают своих детей. Однажды, перед штурмом горного села, находясь неподалеку, я видел, как мать заставляла своего сына что-то сделать. Тот, не обращая на ее крики малейшего внимания, продолжал заниматься велосипедом, пытался натянуть цепь. После получаса воплей, мать швырнув полотенце, ушла в дом. Через некоторое время появился отец, женщина вышла и в сердцах стала ему что-то говорить. Выслушав, мужчина подозвал сына и что-то спросил. Подросток, опустив голову, переминался с ноги на ногу, втянув голову в плечи.

Не дождавшись ответа, мужчина отвесил сыну короткую хлесткую затрещину, от которой мальчишка свалился на землю. Затем мужчина подобрал топор и несколькими ударами разрубил раму велосипеда. Спустя минуту, даже не отряхнув пыль с одежды, мальчишка, схватив ведра стремглав неся к источнику.

Дети получали воспитание, глядя на отношения между родителями. Главным был всегда отец. Главнее только отец отца, старик мог прилюдно отходить палкой или плетью своего сорокалетнего отпрыска. Женщины, всегда замкнутые и молчаливые, превращались в разъяренных волчиц, защищая свой дом. Когда “Вованы”, ребята из внутренних войск, проводили зачистки аулов, помещения и участки вой стоял невообразимый. Мужская половина невозмутимо наблюдала за происходящим со стороны. Иногда дело доходило до стрельбы в воздух.

Из дома, за которым я вел наблюдение, вышла старуха в черном одеянии. Осторожно спускаясь по ступенькам крыльца, если так можно было назвать пристройку к дому, в одной руке она держала два ведра, другой придерживала платок на груди. Очевидно, это была мать боевика, на которого наше командование открыло охоту. И будущая вдова. Следом за женщиной выскочила девочка лет четырнадцати-пятнадцати, голова была покрыта какой-то косынкой светлого цвета в распахнутой куртке. Девочка, догнав старуху, попыталась вырвать у нее ведра, та сопротивлялась, но, наконец уступила и одно ведро вернула настойчивой внучке. Девочка, взяв старуху под руку, пошла с ней к калитке.

Я внимательно наблюдал за домом, обычный дом из камня, коих тысячи в горных селениях, с гостеприимными хозяевами. Зайди туда, товарищ майор, тебя встретят, не скажут салам, а видя, что иноверец, приветствуют: «Здравствуй! Проходи, ваша, ваша - брат, садись ближе к огню». Напоят чаем, пока будут резать барашка станут расспрашивать как добрался, не сильно ли была утомительной дорога? Зайди, майор. Тебя там встретят, чтобы отрезать голову.

Я глянул на часы, прошло четыре часа, еще четыре и меня положено сменить. Кто будет сменщиком – молчаливый, замкнутый Алмаз, весельчак Алабай, проще Серега Рыжий, я не знал. Знал, только что спустя восемь часов от постоянного наблюдения за предполагаемой целью, точнее логовом врага, глаза начнут уставать, и вероятность успешного выстрела начнет уменьшаться. Во дворе дома не было никаких скамеек, из сарая не доносилось блеяние овец или кудахтанье кур, хозяйства родители боевика не держали. Не за чем. Наверное, сынок обеспечивал родителей продуктами и деньгами. Бандитизм ремесло прибыльное, до поры, до времени. Дальномер показывал до крыльца девятьсот метров, температуру воздуха и поправку на ветер подскажут боевые товарищи. Выстрел будет в грудную клетку. Скорая помощь, фельдшера и врачи исчезли с приходом к власти бандитов, не забыв прихватить и медикаменты. Раненому помощь оказать будет некому. Ранение будет смертельным, отца боевика не спасут. Значит с большой уверенностью, завтра отец с сыном на кладбище встретятся в лучшем мире. Виноваты оба. Один – потому что так воспитал, другой – потому что выбрал путь грабежей и убийств. Извечная проблема взаимоотношений отцов и детей здесь приобрела свой оттенок, с цветом крови.

Имел ли я право рассуждать о взаимоотношениях отцов и детей, безусловно. Меня воспитывал отец, кадровый офицер, полковник в отставке. Мать тоже военный врач, майор медицинской службы. Прослужила в санчасти и госпиталях военных городков, где отец проходил службу. До поступления в суворовское училище я поменял три школы, и поэтому никаких связей с бывшими одноклассниками не поддерживал. Не успевал подружиться. Из всей школьной жизни в памяти остался только момент первой линейки, когда меня и еще два десятка первоклашек вывели на школьный двор. Дул промозглый, совсем не сентябрьский ветер, мы стояли в одинаковых белых рубашках с букетом цветов в руках. Родители прижимали своих чад к себе, пытаясь защитить от пронизывающего ветра. И мама тоже прижала меня, спрятав свои руки у меня на груди под букетом. Я не слышал, о чем говорил директор, и почему все вокруг стали хлопать в ладоши, видел только, что рослый парень посадил себе на плечо девочку из моего класса и она стала звонить. Первый школьный звонок. Все эти ощущения новизны и торжественности давно стерлись из моей памяти. Остались только материнские руки и ее тепло, когда мама прижимала меня к себе. И больше в моей дальнейшей жизни такого тепла и нежности мне испытать не удалось. Да я и не пытался, потому что знал, что этому повториться невозможно. Я не был женат. Были знакомые женщины, без каких-либо обязательств.

Но сын у меня все-таки был.

ГЛАВА 3

За неделю до этой, крайней командировки на Кавказ (слово последний в нашей среде говорить не принято), по возвращению из тира, меня остановил начальник штаба.

- Минуту. Как отстрелялся?

- Как обычно.

- Как новая винтовка?

- Пока не понял. Бой вроде хороший, только на рельс Вивера обвесы не так удобно закреплять, попробую планку, может получше станет.

- В командировку какое оружие возьмешь?

- Старое, проверенное, с новым надо повозиться.

- Зайди на КПП, там дежурный сказал, что тебя какая-то барышня разыскивает. Говорит, что жена твоего сына.

- Вот как. Сейчас оружие почищу, сдам в оружейную комнату и подойду.

Начштаба нахмурился: «Давай сюда свой мушкет, хоть и не положено передавать третьим лицам, но начальству можно, дуй на КПП, беременная она. Винтовку после почистишь».

Я шел на КПП, предполагая, что это чей-то глупый розыгрыш или случайность. На КПП дежуривший старший прапорщик через стекло кивнул мне на комнату ожидания, там за столом сидела девушка зимнем пальто, пальто было явно не новое, возможно даже перешитое. Девушка с неподдельным интересом смотрела на меня.

Из-под пальто отчетливо выпирал живот. Вот дуреха, ей рожать пора, а она на КПП приперлась в игры играть, подумал я.

- Здравствуйте, майор! Я назвал свою фамилию, - можно просто Сергей Иванович.

- Лиза, Елизавета, как вам будет удобнее. Господи, как же вы похожи!

- С кем похожи, с вами?

- Нет, что вы!

Девушка смутилась.

- С вашим сыном. С Владом.

Я присел рядом, снял шапку, положил на стол,

-Вы Лену из Козельска помните? В 1980 году вы на стрельбы приезжали, а она в вашем лагере поваром работала.

Я сморщил лоб, пытаюсь вспомнить. Козельск помнил, лагеря с их бесконечными тренировками, ночными и дневными стрельбами, танцы в местном клубе, это я помнил. Лену вспомнить не смог. На память приходили только очень добрые комары, высосавшие не одну донорскую норму крови. Сколько лет уже прошло - двадцать?

Лиза открыла потертую бежевую сумочку, оттуда вытащила пакет и положила на стол несколько фотографий. Лену, мать Влада на фотографии я узнал сразу, худенькая веснушчатая девочка, пригласившая меня в клубе на белый танец. Другие фотографии были похожи на меня.

-Вспомнил. Да, я знаком с этой женщиной, и как выясняется, знаком очень близко. И мальчик на фотографии мой.

Отказываться было бесполезно, да и глупо. Это мой ребенок.

-Я оставлял ей свой московский номер телефона и телефон своих друзей в Калуге. Почему она не позвонила?

- Вы у нее сами спросите, - Лиза запнулась на полуслове - если только трезвая будет.

-Пьет?

Лиза кивнула.

- Бывает, нечасто, но бывает.

-Как ты меня нашла?

- Наняли детектива из ваших, бывший военный. За месяц разыскал.

- Дорого обошлось?

Лиза смутилась.

- Мамино кольцо и сережки.

- Мама знает?

Лиза всхлипнула, а затем затряслась в рыданиях.

- Мамы давно нет.

Этого еще не хватало. Я осторожно обнял девушку, и поймал себя на мысли- все, что я могу сделать, это прижать к себе, и нести околесицу: «Успокойтесь, пожалуйста, вам нельзя нервничать».

- Дежурный- крикнул я- принесите, пожалуйста, стакан воды!

Со стаканами была проблема. Прапорщик принес большой чугунный чайник из солдатской столовой. Из чего они интересно пьют водку после службы, тоже из чайников? Вообще-то в комнате ожидания должен быть графин с водой и несколько стаканов. Совсем служба распустилась.

-Лиза, дочка, давай пару глоточков, прямо из носика, и еще глоточек, вот и славно, -я протянул ей свой носовой платок.

Девушка, утерев платком слезы и нос, вроде успокоилась и смотрела на меня заплаканными глазами. Я про себя в который раз отметил, что слезы меняют цвет глаз у женщин, у Лизы сначала глаза показались мне синими, а теперь стали цвета морской волны.

-А Влад где?

И тут снова началась истерика, да еще посильнее первой. Влада призвали в армию и после полгода учебки, отправили на Кавказ, в Моздок, а затем распределили в одну из воинских частей, действовавших в горных районах Чечни. И вот уже полтора месяца от него нет никаких известий. Обращались в военкомат, оттуда звонили в часть. Из части сообщили, что сержант Николаев пропал без вести, но командованием предпринимаются все усилия по розыску

военнослужащего. Стандартная дежурная отписка. Никто там палец о палец не ударил, чтобы найти солдата. Да и зачем? Новых пришлют, сколько нужно.

- Успокоилась, найдем. Ты где остановилась?

По молчанию я понял, что Лиза только приехала и жить ей негде.

-Собирайся, давай мне сумку большую, поедem.

- Куда?

- Домой, там будешь жить, я бываю редко, кроме тебя будет еще кошка, кошка соседская, но живет у меня, я думаю вы с ней поладите.

-Ой неудобно мне -затараторила Лиза,- вы же меня совсем не знаете.

- Да мне и знать больше ничего не нужно. Ты жена моего сына, мать его будущего ребенка, моего внука. Что мне еще должно быть известно? Расписаться хоть успели?

-Ой, конечно! Я к нему в учебку в Ковров приезжала, там командир части, дядечка такой добрый, он нам разрешил расписаться и еще в ЗАГС позвонил, чтобы не затягивали.

- А как фамилия сейчас у тебя?

-Николаева Елизавета Станиславовна, а муж Николаев Владислав Сергеевич.

Хорошо, хоть отчество мое дала и на том спасибо.

Вечером после работы в школе ко мне на перекур зашла моя соседка Лена, жена, а теперь уже вдова моего погибшего друга Кости Воронова. У Ленки росла дочь школьница Настька, и маме неэтично было курить дома в присутствии дочери хотя я сам лично ловил Настю с подругами, курящими на лестничных площадках. Поэтому, если мама возвращалась с запахом сигаретного дыма, то это накурили друзья дяди Сережи. Пропустив Ленку на кухню, я плотно прикрыл дверь и приоткрыл форточку.

-Кто у тебя там, неужели к нашему отшельнику наконец-то пожаловала дама, у меня есть повод для ревности?

-Ни малейшего. Дама-девчонка, беременная моим внуком, или внучкой, жена моего сына,ее зовут Лиза. Сын у меня нашелся, Ленка, и потерялся, сразу. Служит он срочником на Кавказе, но я найду. Ты меня знаешь.

-Ох ты, ах ты, а ты еще тот ходок оказывается, тихушник. Сразу и сын, и невестка, и внук, а мать сына где?

- В Козельске. Мое приключение двадцатилетней давности.

-И ты уверен, что это твой?

-Уверен, Лена, фотографии видел. Вы часто произносите – «сердце матери», вкладывая в эти слова какой-то сакральный смысл, но у отца тоже есть сердце и, болит оно не меньше материнского. Просто вида не показываем, нельзя. С мамой после разбираться будем, почему так вышло. Я оставлял ей свой московский телефон и телефон и адрес своих друзей в Калуге. Почему не позвонила и не поехала к моим знакомым, ума не приложу. Возможно, были какие-то обстоятельства непреодолимой силы. Очень хочется надеяться, что были.

- А я дура мечтала, что ближе к пенсии мне рискнешь предложение сделать. Уедем в деревню, как мечтал мой Костя, купим дом на берегу реки, а вокруг обязательно лес. Я в местную школу техничкой, училкой - упаси Бог, а ты по хозяйству. Курей заведем. И корову. С быком!

Ленка сильно, с какой-то злостью вкрутила окурочек в чайное блюдце, служившее пепельницей.

-Врешь ты все, Ленка, никогда ты не надеялась и не потому, что я повода не давал, а просто знала, что у парней, с которыми мы служим, есть одно железное правило: жены наших друзей - существа бесполое.

- Именно, существа! Я не понимаю, зачем вы, которые избрали такой путь, вообще женитесь, заводите семьи? Вас вообще в инкубаторе или какой-то специальной лаборатории надо выводить, как киборгов. Ты думаешь, когда вы были на своих выходах, я хоть одну ночь спала? Каждую минуту, каждую секунду я ждала. Ждала звонка по телефону, ждала звонка или стук в дверь, если ночью. Думаешь, пока вы там лежали в своих спальниках, со своими мушкетами, мы, ваши жены живем как ни в чем не бывало? Мы там, вместе с вами, замерзаем или мокнем под дождем, тащим ваши дурацкие вещмешки или снаряжаем патронами магазины от автоматов. И пока вы там, мы не живем, мы существуем, ходим, улыбаемся, готовим еду, которая в горло не лезет. Когда он уходил на свой последний выход, я ему сказала, возвращайся и будем решать. Я так больше не могу. Ты выслужил все сполна, три ранения. Хватит, баста. Или ты уходишь...

-Или что? – голос его прозвучал как-то глухо.

Он уже стоял в дверях, обернулся, хотя раньше никогда не оборачивался и так посмотрел, с какой-то детской улыбкой, с какой-то беззащитностью. Мне бы дуре броситься к нему на шею, вцепиться руками и не отпустить. А я как будто оцепенела, не могла пошевелиться, словно столбняк хватил. Так же ждала звонков, дождалась, позвонили в дверь. Двое военных, не помню с какими званиями, но не ваши, от вас пороховым пахнет, кровью, бензином, дымом костров, а те лощенные были, ухоженные, аромат одеколона еще пару дней на площадке стоял. И медсестра со шприцом наизготовку. Очнулась уже на диване, когда подруги пришли. Родители мои и мужа приехали. Поэтому ты прав, Сережа, ни как мужа, ни тем более как любовника я тебя никогда не рассматривала. Друг, сосед, боевой товарищ моего Кости. Я помню, как первое время ты мне деньги в почтовый ящик подкидывал. Только не говори, что не ты. Соседи сказали.

- Так это не только я, все ребята по возможности собирали, ну я жил один, у меня возможностей было чуть больше.

- Все очень просто, Сережка, я умерла вместе со своим мужем на этом горном перевале. Я не живу, существую.

-А Настя?

- Что Настя? Вырастет. Дочь Героя России, у нее своя жизнь, а моя закончилась. Пыталась забыть, головой об стенку билась, ни таблетки, ни водка не помогали. Помогали, но на время. У меня даже любовник появился. Родитель моего ученика, теперь уже бывшего. Коммерсант, или бизнесмен, довольно-таки при деньгах дядька. Цветы дарил охапками, замуж звал, хочешь в Париж, хочешь на Мальдивы. А я смотрю на него и чувствую, еще мгновение и меня вырвет. Даже интим с ним пыталась создать. Господи, как же это мерзко! Две бабы в одной постели. Отшила, сказала - будешь продолжать-обращусь к тебе. Все равно звонит. Пишет, корзины с цветами присылает, Настьке какой-то комп крутой подарил. Не могу ему, дураку, объяснить, что ничего мне в жизни не интересно. Мне сама жизнь неинтересна. Помнишь, когда вы собирались, то все время песню пели про казака? Жалко только мамку, жалко только волю, жалко только шашку да буланого коня. Жену не жалко, чего ее жалеть -то?

- Жинка погорюет, выйдет за другого, за товарища моего.

- Да, видишь, Сережа, как бывает, не выходят вдовы ни за товарища, ни за богатого любовника, все верно, мертвым свадьбы ни к чему. Налей мне чего-нибудь, чтоб нервы успокоить, ну что прошлый раз пили.

-Чачу?

-Давай чачу, не дадите чачу, я вам чучу отчебучу.

Ленка выпила, поморщилась, откусила кусочек лимона.

- А с сыном что, где ты его искать собрался?

- В том же районе, где Костя погиб. Завтра узнаю. У меня к тебе просьба будет, надо Лизу у меня прописать, и на учет в больницу поставить, где беременные. В серванте, в кофейнике деньги возьмешь, да ты сама знаешь. Купите ей с Настькой на первое время одежду нормальную, от патрона до батона, а то, подозреваю, что ничего у нее нет. В чем была, в том и приехала. И еще, когда меня искали, с детективом кольцом с сережками рассчиталась, выберите ей с Настькой попрличнее. Скажи, где деньги лежат, пусть берет сколько нужно.

- Лен, будь добрее, я подбирал слова,- Нет у нее никого, мать умерла. Сделаешь?

- Без проблем, по прописке с Светке Козиной подойду, она у нас в паспортном столе сидит. Скажу ты просил. Она когда тебя видит, млеет как гимназистка. Чеки в сервант положу.

- Не дури, не перед кем отчитываться.

- А вдруг появится кто-то?

- Не появится. Та, которая могла появиться, живет со своим французом в Бьярриц.

- Северная королева, так это, правда, с тех пор все тянется?

- Королеву низвергли. Но в моей памяти она всегда останется королевой.

- Кто, низверг, коммунары?

- Лаборантка одного из питерских вузов, маленькая, хрупкая, с короткой прической под мальчика, которой ты халат и ночную рубашку прошлый раз давала, когда она в гости приезжала.

-Ах ты мать честная, так у вас все серьезно, а я дура думала, что она увидит твою квартиру с обоями, по которым материалы двадцать шестого съезда партии изучать можно, и фьють, только ее и видели. Ты, прежде чем баб водить, ремонт бы сделал, хочешь мы с Настькой поможем?

- Не до ремонта сейчас. Сына найду, тогда займемся.

-Налей еще.

Я налил рюмку виноградной водки, которую ребята мне передали из Северной Осетии. Помолчав, Ленка спросила:

-Ответь мне на один вопрос. Зачем тебе это надо, для чего ты это делаешь? Есть куча вариантов найти нормальную, спокойную работу, посмотри сколько охранных контор по одной Москве развелось. Тебя в любую из них с руками и ногами возьмут.

Я некоторое время молчал.

- Нет жизни мне без моей службы. Я живу пока рискую, в местах где рядом ощущаю локоть моего товарища, и где ты стоишь ровно столько, сколько стоишь на самом деле. Нельзя, Лена, посадить волка на золотую цепь и кормить мясом, поверь, он не станет гавкать и вилять хвостом. У нас два варианта уйти из этого мира. Или погибнуть в бою или принять смерть от своего наградного оружия, в приемных покоях больниц мы не умираем.

Лена, помолчав, закурила еще одну сигарету.

-Я всегда об этом догадывалась, хорошо хоть у тебя хватило ума не жениться.

- Не ума хватило, а так сложились обстоятельства. У нас был куратор, полковник, который нам лекции читал по психологии, так вот, однажды, он заставил нас в конспект записать следующее: «Никогда никому не доверяй. Не доверяй другу - он может предать, не доверяй матери - она может использовать ложь во благо, не доверяй себе, ибо ты не знаешь, что с тобой случится через минуту. Доверяй только обстоятельствам, в которых ты находишься, и действуй сообразно им».

- И где этот полковник сейчас?

- Погиб.

Полковника предал горец, которого он знал больше тридцати лет. На назначенную встречу пришел с отрядом боевиков. И нашему куратору, отказавшемуся сотрудничать с бандами, отрезали голову.

ГЛАВА 4

Утром, проходя через КПП, я был остановлен дежурным, сообщившем, что меня хочет видеть командир. Зайдя в приемную и поздоровавшись с секретаршей, я про себя отметил, что обычно улыбчивая Наташа на этот раз тоже улыбнулась, но сейчас улыбка получилась натянутая, с оттенком тревоги. Владимир Петрович стоял спиной ко мне, оперевшись о подоконник, чуть отодвинув в стороны вертикальные жалюзи серого цвета, гармонировавшие с интерьером кабинета. Посередине стоял стол с рядами стульев напротив друг друга и у входа небольшой диван, на котором вечно что-то лежало, или груда коробок или сумок камуфляжного цвета.

- Наслышан о твоей ситуации. Мог бы сообщить, понимаю к твоей службе отношение не имеет, но все же, все же, все же... Итак, пока тебя твоя невестка ждала, узнав причину, по которой она тебя ищет, я поручил контрразведчикам с ней пообщаться. А те, не дожидаясь тебя, чтобы не терять время, решили сами все узнать. Итак.

-Сержант срочник Николаев, войсковая часть номер....., на грузовом автомобиле с водителем контрактной службы Пироговым по боевому распоряжению 1 декабря 10.30 минут выехали за продуктами.

Владимир Иванович открыл зашторенную карту.

- Вот этот блок-пост они проехали, а вот до этого, - он ткнул ручкой в красный кружок, нанесенный на карте, - уже нет. Оперативная группа в составе взвода, выехала спустя час, после получения сигнала по радиосвязи, что Урал второй блок-пост не пересекал.

- Машину нашли на обочине, кабина со стороны водителя была изрешечена пулями калибра 5,45, тело погибшего водителя находилось рядом с машиной, на земле. Метрах в трехстах от местонахождения машины были обнаружены следы ведения боя, найдено около восьмидесяти гильз калибра 5,45. Очевидно твой пацан отстреливался до последнего, метрах в пяти была воронка от снаряда подствольного гранатомета. Целью боевиков был захват грузового автомобиля, но завести не смогли, по словам зама по технической части, в машине барахлил стартер, заводили только с буксира. Наши зачистили ближайший аул, нашли трех наших военнопленных, взятых в бою три месяца назад, несколько схронов с оружием и полдесятка раненных боевиков. Обиженных хозяин дома, у которого наши пленные жили на положении рабов рассказал, что за несколько часов до выстрелов на горной дороге возле аула видели группу боевиков из банды Теймураза Бероева, позывной Файзулла, очевидно, они и совершили нападение на автомобиль. Я согласовал с командованием, поиски твоего сына ведутся, должны выйти на боевиков и предложить обмен: нашим то же есть, что предложить. Вот по твоему вопросу пока все. Если что хочешь спросить - спрашивай.

-Спасибо, Иванович, вопросов нет, я уверен, что можно, ты сделал, и вряд ли бы кто-то сделал лучше.

Я не льстил, не было у меня этой привычки, просто знал щепетильность нашего командира, стремление во всем разобраться досконально, не упуская ни одной малейшей детали. И хотя Иванович был не из нашей среды, его назначили приказом сверху, но он быстро вошел в курс дела, вникая во все проблемы подразделения, и не только профессионального характера. Он отдал свой командирский домик прапорщику Григорьеву, а сам переехал в его полуторную

квартиру на первом этаже. Имуущества у Ивановича было не густо. Два старинных чемодана, с наклеенными на них переводными картинками ГДР, десяток вещмешков и сумок. Да еще старенькая Волга - пикап черного цвета.

Злые языки недоброжелателей утверждали, что во времена, когда было особенно тяжело, денежное довольствие не выплачивалось месяцами, Иванович, вместе с еще одним полковником, занимались извозом, сменив форму офицеров на гражданскую. Пикап был машиной востребованной, а у полковника был еще прицеп, оставшийся от угнанной в лихие годы машины.

-А теперь о главном. Подойди ближе к карте. Вот горные районы, Итумкали, Шатой, Борзой. Тебе он хорошо известен. Знаю там твой друг погиб. в этом районе пропал, а, точнее, надеюсь, попал в плен твой сын. По оперативной информации из эмиратов прибыл Иса Темиров, которого вы в Югославии упустили, так вот он сколотил банду в тысячу штыков. Очевидно, приехал не с пустыми руками, раз за короткое время собрал целый полк боевиков. Деньги шейхов нужно отрабатывать. Поэтому, мы ожидаем на этом участке масштабные боевые действия. Иса в своем бандитском прошлом был командиром, так называемой, армии Дудаева, во время первой чеченской. Захватывал несколько дагестанских селений, так что боевого опыта ему не занимать. Ну, и среди остальных боевиков выделялся звериной жестокостью и по отношению к нашим пленным и к горцам, перешедшим на нашу сторону. Задачу ставлю такую. В этом ауле, - полковник обвел ручкой квадрат на карте, - живет отец этого ублюдка и старший брат, тоже бандит. Цель операции - ликвидация кого-то из родственников, чтобы выманить этого, даже не подберу слов как назвать, палача, на похороны и там отправить в преисподнюю.

-Ясно, товарищ полковник, когда необходимо приступить к выполнению поставленной задачи?

- На сборы и подготовку группы три, нет два дня. Людей наберешь сам.

Домой я вернулся вечером. Переступив порог, я обратил внимание, что квартира меня встретила иначе. не так как встречала холостяцкая двушка, со стенами, вопившими о необходимости ремонта. Со старыми обоями. где они оторвались, были видны перестроечные газеты, намертво впечатанные в штукатурку клеем. Правда иногда выходила кошка Муська, если была голодная, или Ленка забыла поменять лоток. Кошку, точнее тогда еще котенка, принесла со слезами Ленкина дочь — Настька.

- Дядя Сережа, пожалуйста, пусть Муська, поживет у вас несколько дней, пока я маму уговорю взять ее к нам. Пожалуйста!

Кошка прижилась, первое время Настька с подругами приходила, кормила, убирала лоток, брала Муську с собой на улицу. Но постепенно, по мере подрастания котенка, интерес пропал. Кошка выросла, теперь за ней в мое отсутствие ухаживала Ленка. Она однажды спросила, глядя прямо в глаза.

- Настька, подлюка, тебе кошку принесла?

-Нет, это моя кошка, Лена. Единственное живое существо, которое меня ждет в моей холостяцкой берлоге. Попугай еще был. Улетел.

Но сейчас квартира словно проснулась от зимней спячки. Чистая обувь от туфель до летних берцев стояла на обувной полке. Линолеум блестел после влажной уборки. А из кухни доносился и приятно щекотал ноздри запах свежего супа. Именно супа.

Из зала вышла Лиза в новом, видать только купленном халате, живот еще больше выпирал, чем из-под пальто. Увидев меня, смутилась.

- Сергей Иванович, я тут поесть приготовила, вообще-то не мастерица по супам, сварила из того, что нашла.

- Суп с яйцом! Сто лет не ел такого супа. Расскажи, как день прошел, что вы там с Леной успели?

Ленка ее прописала, поставила на учет в местную поликлинику, заехали на рынок, купили кровать, кучу детских вещей, необходимых для новорожденного и приодели мою невестку.

- УЗИ сделали? Кого ждем?

- Мальчик! Внук у вас будет, дядь Сереж, ой, простите, Сергей Иванович.

- Лиза, когда привыкнешь, если захочешь, можешь называть меня отцом. Я так понимаю отца у тебя нет?

- Нет есть, точнее должен быть, только я не знаю где, я вообще никогда его не видела, и мама не рассказывала.

Я достал из холодильника начатую бутылку коньяка.

- Лиза, позови Лену, пусть придет - отметим.

Пришла Лена с подносом, на котором стояло несколько тарелок с зеленью, сыром и колбасой.

- А чем вы закусывать собрались, супом? Ну что, сосед, за определение пола будущего ребенка, по полной! Тебе, мама будущая, - Ленка повернулась к Лизе, - уши оборвать мало, ей рожать не сегодня - завтра, а она на учет даже не становилась.

После нескольких рюмок я захмелел. Я впервые почувствовал себя дома, дома, где тебя ждут. Поймал себя на мысли, что раньше квартиру воспринимал только как крышу над головой, склад зимнего и летнего обмундирования, телевизор и холодильник. Да еще плита и диван, без них тоже никак. Кресло ко мне перекочевало из Ленкиной квартиры.

- Его кресло, - сдерживая слезы, пояснила Лена. - Все время в нем сидел, возле телевизора, иногда даже засыпал. Перед тем, последним выходом, он там и заснул. Утром, уже после его ухода, бутылку с водкой нашла возле кресла. И рюмку полную. Он к ней так и не притронулся. Я ее тогда в холодильник поставила, придет - выпьет. А потом, - она тяжело вздохнула, - хлебом накрыла. А начатая бутылка так и стоит в холодильнике до сих пор, Папина бутылка. Настьке приказала, чтоб случайно не выкинула. Зачем она мне, Сережа? Не знаю. Постельное принесла, ложитесь. Когда уходите? Понятно, могла бы и не спрашивать. Но, я же "СП"- свой парень, да знаю, так вы меня промеж себя называете.

Так мы называли жен погибших товарищей, брали их с собой на рыбалку, оберегали, как могли, и относились к ним как к друзьям.

Когда Лена, выкурив дежурную сигарету, ушла, я попросил Лизу.

- У тебя телефон матери Влада есть?

Она встрепелась.

- Да есть конечно. Только это не ее, а дежурной, которая внизу сидит, на первом этаже: тетя Лена, в общежитии живет. вы позвоните, а ее пригласят.

Глядя на листок с цифрами, я сидел за столом, не решаясь поднять телефонную трубку. Что я ей скажу, что она скажет мне спустя двадцать лет? Наконец решился.

- Слушаю - в трубке раздался голос немолодой женщины.

- Добрый вечер, пригласите, пожалуйста Лену Николаеву из двадцать девятой комнаты.

- Сейчас позову, если она не в ночной смене.

- Кто это? - спросил отдаленно другой женский голос.

- Да Ленкин очередной.

Через некоторое время, показавшееся мне вечностью, я наконец услышал ее голос. Услышал не без содрогания.

- Коля! Ну наконец -то, куда ты пропал, я уже тебя заждалась, гад ты эдакий!

- Не Коля это, Лена, это Сергей.

- Какой Сергей, не знаю никакого Сергея. вы, мужчина, правильно цифры набирайте и закусывайте лучше, если употребляете, а после пытаетесь девушкам звонить.

Только сейчас до меня дошло, что Лена изрядно пьяна.

- Сергей, отец нашего сына Влада. Лиза меня нашла, она сейчас у меня и останется здесь жить.

После нескольких минут тишины голос в трубке разразился отборными ругательствами.

Все оскорбления в свой адрес от этой сорокалетней, нетрезвой женщины, я выслушал, не проронив ни слова.

У Лены из Казельска родителей не было. Лена выросла в детском доме, отца не было изначально, а мать лишили родительских прав.

- Лена, я сам о себе все знаю. Когда мы расставались, я оставил тебе свой московский номер и номер моего друга в Калуге, кроме этого, я еще два раза приезжал в твоё общежитие, но тебя там не было.

Ругательства и оскорбления прекратились.

- Так это был ты, я в Москву ездила подработать. За сыном соседки приглядывали, он у меня самостоятельный парень. А по тому номеру в Калугу я позвонила. Знаешь, что мне ответили? - Проститутка, забудь этот номер и не смей сюда больше звонить!

-Сережа, ты знаешь, как я его растила?

- Работала в кондитерском цехе, когда узнали, что беременна, чтобы не платить после родов, предложили: или аборт, или увольняйся. Я уволилась. Я сохранила этого ребенка, потому что он твой, и надеялась, что рано или поздно ты найдешь нас.

- Как ты выживала, Лена, без родителей, без поддержки?

- Тяжело, очень тяжело, спасибо подруги помогали. полы мыла в подъездах, стригла, бралась за любую работу, в Москву ездила. Два раза замуж сход, сейчас с дальнбойщиком встречаюсь, говорит, что любит, тоже замуж зовет. Может съеду из этой общаги, наконец-то?

- Ответь мне только на один вопрос, ты его найдешь?- её голос сорвался - Я никогда ни о чем тебя не просила, не требовала, не искала, никогда! Найди, поклянись, что найдешь!

- Я найду его. Мое командование этим занимается, связались с командованием части, где Влад служит. Я клянусь, что сделаю все возможное и невозможное, чтобы найти нашего ребенка. И, если бы мы нашлись раньше, все могло сложиться иначе.

-Ты хочешь сказать, что женился бы на мне?

- Без сомнения.

- Он в институт поступил, - Лена уже рыдала. - Курс отучился, а тут Лизка забеременела, пришлось учебу бросить, на работу устроился. Тут и военком нарисовался с повесткой, не сотрешь. Я последние деньги отдала, обещал в московской области будет служить. А он мне последний раз звонил : «привет, мам , я в Моздоке». После Ковровской учебки их курс весь на Кавказ бросили. Всех до единого.

-Лена, не последний раз, а крайний, запомни. Есть возможность номер записать? Здесь Лиза постоянно будет жить. УЗИ сделали, внук у нас будет.

- А твоя семья, жена, дети у тебя есть?

- Нет у меня никого, родители есть и кошка еще, на двоих с соседями. Звони в любое время.

Закрыв дверь на кухню, я приоткрыл окно и достал Ленкины сигареты. Курил я очень редко, в основном в компаниях, где главным атрибутом была водка и сигареты. Чаепитие в офицерской среде не прижилось. Несмотря на позднее время, мне нужно было сделать еще один звонок.

Трубку поднял Слава. Служили вместе в нашем отряде офицеров ГРУ. Уволился капитаном, не дождавшись заветной пенсии и квартиры, занялся каким-то бизнесом. Вроде жизнь наладилась, приезжал на дорогой иномарке. Радости мой звонок у бывшего сослуживца не вызвал. Вспомнили былое, рассказал о своей жизни предпринимателя. Шиномонтаж и автомойка, был еще магазин автозапчастей, но компаньон оказался гадом и кинул, отобрав магазин, вместе с товаром. Но, так по жизни все ровно, бывают проблемы, но братва, то есть крыша, все проблемы решает, естественно не бесплатно.

- А чего, собственно, звонишь, денежные проблемы?

- Нет, успокойся, Тамара не спит? Дай ей трубку на минутку.

- Слушаю.

- Тамара, когда -то я одной девчонке, с разрешения твоего мужа, дал ваш номер телефона, чтобы помогли со мной связаться.

- Знаешь, что, господин офицер, мой дом и телефон не для того, чтобы сюда звонили всякие шлюхи, потому что из-за таких проституток, я всю жизнь промучилась, благодаря моему мужу, твоему другу, который не пропускал и не пропускает до сих пор ни одной юбки. Понятно?

- Понятно, Тома! Девчонка была скромной, впервые оказалась в подобной ситуации, родила, вырастила одна, теперь ее сын служит в армии, на Кавказе, возможно в плену.

А честная, верная, порядочная жена не могла дождаться, пока ее муж уедет на боевые. И стремглав неслась на встречу с начальником финансовой части майором Лозовым. Я не мог понять, почему замужние шлюхи такие правильные и честные, втайне наставлявшие рога своим мужьям, оказывались строжайшими судьями всех и вся. В том числе, и впервые оступившихся девчонок. Повисла тишина. Затем рыдания. Но приглушенные.

- Сережа! Прошу, ради наших детей, не говори ему, пожалуйста, прости ...

- Не дослушав, я швырнул трубку и вырвал розетку телефона(завтра не забыть бы вставить). Этого семейства для меня больше не существовало.

В те кровавые девяностые годы ломалась не только судьба когда-то могущественной страны. Уничтожалась армия, офицеров десятками тысяч увольняли в запас. Расформировывались целые подразделения, считавшиеся элитой страны. Офицеры, оставшиеся верными присяге, брались за любую работу: помоложе грузили и выгружали вагоны, работали таксистами, гоняли машины из ставшей недружественной Прибалтики. Постарше: оформлялись в магазины ночными охранниками или сторожами на автостоянки. Денежное довольствие не выплачивалось месяцами. Иногда зарплату выдавали продуктовыми наборами из сухих пайков, которые приходилось женам продавать на рынках за бесценок, умоляя коммерсантов или торговцев забрать за сколько-нибудь. Некоторым офицерам из числа моих знакомых удалось открыть свой бизнес. Но, встречаясь с ними, я понимал, что это не те мои армейские приятели,

которых я знал не один год. Ничего личного - только бизнес! Эта мантра стала девизом целого поколения. Слава Богу, что коснулось это не всех.

ГЛАВА 5

Погрузка в вертушки шла своим чередом. Как обычно ночью, или в вечернее время. Укладывались, закреплялись тросами и стяжками вещмешки, палатки. Оружие каждый держал при себе. Натужно взревев и задрав хвостовой винт, трудяга МИ-24, завывая, поднялся в воздух. Сделав пару кругов над аэродромом, лег на маршрут.

Если со стороны посмотреть на сидевших напротив друг друга десятков или, выражаясь уставным языком, отделение, можно было заметить отстраненность на лице у каждого из них. В ногах стоял вещмешок камуфляжного цвета, на который можно было опереться берцами и прислонить кофр с винтовкой. Каждый боец был сосредоточен и замкнут. Ни тени волнения, ни беспокойства. Разговаривать, чтобы сидевший рядом собеседник мог тебя слышать было невозможно из-за шума лопастей винтов и рева двигателя. Кто-то сидел с закрытыми глазами, но не спал, ибо уснуть среди такого грохота было невозможно. Кто-то смотрел, уставившись в одну точку.

Команда отправлялась на игру со смертью, и каждый из игроков понимал, что живым назад он может не вернуться. Но и мы никому не собирались желать долгих лет жизни и дарить букеты цветов. Мы отправлялись убивать людей, объявивших войну нашей стране. Войну без правил, жестокую и беспощадную. В эти моменты, чтобы скоротать время, я старался сосредоточиться на каких-то приятных воспоминаниях. Их, к сожалению, было не так уж много.

Со своими ребятами мы нечасто, но все-таки собирались на днях рождения, если виновник торжества решал устроить праздник. Чаще встречались на похоронах или годовщинах смерти наших боевых товарищей. Но, сидя за столом с горячим, только снятым с огня шашлыком и ледяной водкой, слушая музыку, рассказывая анекдоты, или вспоминая какие-то смешные случаи из нашей армейской жизни, я всегда помнил войну. Она проросла колючей проволокой в моей душе, намертво впилась своим жалом и не отпускала, пыталась изменить меня на свой лад. И я не знал, как вырваться из ее смертельных объятий.

Я вспомнил свою недавнюю поездку в Петербург, точнее командировку. Сдав предписания и оформив накладные на отправленный товар, я бесцельно шатался по городу, вспоминая свое курсантское прошлое. Зайдя в Музей фарфора, привлечший меня исключительно своим названием, я обратил внимание на невысокую худенькую брюнетку со стрижкой под мальчика, с интересом рассматривающую экспозицию. Она начала разговор первой, заметив, что я остановился возле миниатюры, изображавшей монгольского воина.

- Вы первый раз здесь?

- В Питере иногда бываю, но именно в этом музее первый раз. К своему стыду(я признался), в мои курсантские годы меня больше интересовали отнюдь не музеи. Предпочтения отдавались женским студенческим обществам.

- Хотите я проведу с вами экскурсию? Бесплатно, - девушка сверкнула белозубой улыбкой. - Вика, - девушка протянула мне тонкую руку.

- Сергей.

Мы полдня бродили по музею, Вика рассказала мне практически о каждом экспонате. Отдыхали на стеклянных скамейках, стоявших вдоль стен в некоторых залах. На мое предложение перекусить последовал категорический отказ.

- Только не здесь, здесь все невкусно и безумно дорого.

Общаясь с Викторией, я узнал, что с общепитом в Питере дела обстоят не лучшим образом. В мою бытность курсантом одного из престижнейших военных училищ, Ленинград изобиловал сотнями пельменных, блинных, чебуречных, рюмочных. Сменилась эпоха... На месте блинных и пельменных появились бутики, а отечественный общепит был вытеснен чуждым для русского языка фастфудом. Бигмаки, гамбургеры, чизбургеры, самса, шаверма и шаурма. В чем отличие между последними двумя, я так и не понял.

Вика предложила зайти в столовую на Невском, напротив Казанского собора. Сеть столовых называлась “Столовая № 10”. И была примечательна еще тем, что там был туалет. Огромная редкость для Питера того времени. Туристу, приехавшему полюбоваться Северной Пальмирой, иногда приходилось ловить или вызывать такси? чтобы добраться до туалета. Причем местные таксисты выбирали не самый короткий маршрут.

После столовой, напомнившей мне старый добрый общепит, мы с Викторией посетили еще пару музеев, а на вечер она, созвонившись с подругой, пригласила меня в театр.

Давали пьесу неизвестного мне испанского драматурга “Любовь после жизни.” В другом варианте это было – “Ау, Кармела !” Зал был полон, нам достался последний ряд, но зато практически по центру.

Я не был заядлым театралом, честнее будет сказать, к театрам я себя вообще не относил, поэтому мое внимание было больше сосредоточено на публике, на женской её части. Ниже нас на два ряда расположилась группа студентов первого-второго курса с куратором. Очевидно посещение именно этой пьесы входило в план образовательной программы института или университета. Студенты смеялись, шептались, куратор - строгая дама в очках лет сорока пяти на них злобно шикала и потрясала блокнотом. Рядом с нами сидела девица неопределенного возраста с шикарной прической, в великолепном красном платье, с браслетами на обеих руках. Она искоса бросала взгляды по сторонам, очевидно следуя советам подруг или родственниц искать будущего мужа среди театралов. Ее взгляд скользнул по мне, но? увидев рядом мою спутницу, интерес моментально испарился.

Среди зрителей были и почтенные дамы в возрасте, далеко за семьдесят, с водопадом бус на груди, красиво уложенными прическами, в очках с тонкой оправой и золотыми цепочками, назначение которых для меня осталось загадкой. Этих дам интересовало только происходившее на сцене.

Ближе к концу первого действия я понял, какая это была необдуманная идея пойти в театр, да еще угораздило получить места в последнем ряду. Мои зимние полусапожки сорок пятого размера упрямо уткнулись в спинку сидений ряда нижестоящего и, как я не пытался пристроить свои ноги, поворачивая влево- вправо, успеха эти попытки не возымели. Я стал ловить себя на мысли, что меня больше волнует не происходящее на сцене, а куда деть собственные ноги.

Когда лейтенант армии Франко приказал расстрелять главную героиню, группа студентов внизу притихла, у моей спутницы мелькнули слезинки, и послышалось всхлипывание. Я протянул ей свой носовой платок и накрыл ладонью ее руку, лежавшую на боковой спинке

кресла. Рука Вики маленьким зверьком вцепилась в мою ладонь и больше не отпускала до конца спектакля.

Когда-то это уже было. Может провалы в памяти? Выпускной курс военного училища, я без пяти минут офицер, в полевой форме и хромовых сапогах, и выпускница пединститута имени Герцена Танечка смотрели шедевр французского кинопроката – «Фанфан- тюльпан». И я также накрыл ладонью ее руку. Происходившее на экране в дальнейшем меня не интересовало. Все мое внимание было сосредоточено на прикосновении к ее ладони. И более волнующих чувств от прикосновения женских рук я не испытывал никогда, да, признаться, и не хотел испытывать. Ибо знал, что такое больше не повторится. До этого спектакля.

Выйдя из театра на ночной морозный воздух, Вика спросила.

- По домам?

Мне мое ведомство на двое суток сняло гостиничный номер. Узнав, где находится гостиница, Вика охнула.

- Да это же у черта на куличках! Два часа на метро с пересадками, потом еще полчаса на автобусе. Айда ко мне! Предупреждаю, у меня есть старая привередливая бабушка, но ты ей должен понравиться.

Я выдержал паузу.

- Не знаю, насколько это удобно. Познакомились в музее фарфора и сразу переночевать?

-Ты боишься, что тебя ограбят?

Я улыбнулся.

-Думаю, добыча грабителей сильно разочарует. Едем, но у меня три условия.

Вика, пританцовывая и ежась от мороза, приготовилась загигать пальцы.

- Первое – шампанское, второе- коробка конфет, третье- цветы.

- Чур конфеты и шампанское выбираю я! – воскликнула моя спутница.

- Идет.

У цветочного павильона произошла заминка. Вика не знала, какие цветы любит ее бабушка.

-Ты представляешь, я не знаю. Вот это да! Дарят на восьмое марта, на дни рождения . Какие принесут, те и ставим. Но она цветы очень любит.

На выручку пришла продавец. Узнав, что бабушке семьдесят пять лет, она за полчаса составила весьма приличный букет, и довольно-таки недорогой. Перевязав красной лентой, вручила мне. Ехать на трамвае с букетом цветов и пакетом, в котором находились коробка конфет, и бутылка шампанского мне казалось не очень радужной перспективой.

Бабушка Вики оказалась маленькой старушенцией с седыми, зачесанными назад волосами, прижатыми массивным костяным гребнем черного цвета. Она как будто дополняла собой интерьер старой питерской квартиры с высоченными потолками, паркетом, шкафами и этажерками довоенной эпохи. Бабушка была блокадницей . Букет ей очень понравился. Она долго его рассматривала, вдыхала аромат роз, перебирала листья фиалок, обрамлявших букет по краям.

- Вы офицер, молодой человек?

Я замялся.

- Скажем так, имею небольшое отношение к военной службе. Инструктор по стрелковой подготовке.

- А семейное положение? - продолжала допытываться старушка.

Я вздохнул.

- Холост. Проживаю в Москве, двухкомнатная квартира - хрущевка. Есть машина и дача, на которой практически не бываю, сдал в безвозмездное пользование соседям по подъезду. Хобби: выезжаю с друзьями на охоту и рыбалку, употребляю спиртное в компаниях в разумном количестве. Готовлю плохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.